

Д. И. ДУБРОВСКИЙ

К вопросу о добродетельном обмане

Меня давно интересовала проблема обмана. В свое время я написал книгу «Обман. Философско-психологический анализ» (1994), в которой была специальная глава, посвященная добродетельному обману и проводилось различие между *доброжелательным* обманом и *добродетельным* обманом (в первом акцент ставится на мотивации, во втором — на его результате, реальных последствиях). Как мне кажется, анализ феномена добродетельного обмана имеет связь с обсуждением вопроса, поставленным Кантом.

В прошедшей дискуссии и в статьях этого выпуска были высказаны две позиции. На мой взгляд, обе стороны по-своему правы, но в разных отношениях. А. А. Гусейнов прав в том отношении, что этическая норма, запрещающая ложь, должна относиться ко всем случаям, иначе она теряет смысл в качестве общего правила, а тем самым и в качестве санкционирующего регулятива. Поэтому Кант и предлагает чисто формальное решение. Однако приложение этического (или юридического) принципа к конкретному случаю способно создавать парадоксальную ситуацию, требующую специального методологического анализа. Эти вопросы вынесены у Канта за скобки. Между тем этическая оценка конкретного поступка человека связана зачастую с учетом *ряда* этических норм, а не одной единственной. Но разные этические нормы такого же ценностного ранга, как «не лги» (например, «не убий» и т.п.), не имеют между собой однозначных логических отношений. Кроме того, само понятие лжи требует тщательного анализа (скажем, является ли ложью молчание в ответ на вопрос или двусмысленный ответ, который, хотя и не содержит ложных утверждений, допускает разную интерпретацию). Надо прямо сказать: какие бы удачные и логически безупречные теоретические конструкции мы ни создавали, какие бы незыблемые максимы ни провозглашали, их невозможно уберечь от контакта с эмпи-

рической реальностью и здравым смыслом. Я глубоко сомневаюсь, что Кант действительно выдал бы своего друга злонамеренным субъектам, следуя неукоснительно лишь одному формальному требованию. Ведь этим он нарушил бы другие не менее значимые нормы нравственности.

Поэтому я склонен поддержать Р.Г. Апресяна в его критике Канта. Мы здесь сталкиваемся с проблемой общего и единичного, теоретического и эмпирического, абсолютного и относительного. Я согласен, что требование «Не лги» вряд ли может быть принято в некоем абсолютном смысле, как единственный и достаточный критерий нравственности поступка. Апресян справедливо отмечает, что нормы морали негомогенны. Возникает проблема соотношения нескольких нравственных принципов, ибо ни один нравственный принцип не может быть изолирован, самодостаточен, он — часть некоторого морального канона. Эта проблема представляет главную теоретическую трудность. Моральные нормы — это утверждения теоретического вида, в отличие от эмпирических утверждений. Мы же рассуждали здесь, так сказать, эмпирически: как следует поступить в данном конкретном случае. Как оценить в нравственном отношении ответ хозяина дома? В такой ситуации всегда возникает задача соотношения теоретического и эмпирического. Это весьма интересная проблема, и я думаю, для специалиста по этике она очень важна в том плане, что отношение эмпирических суждений и теоретических — нелинейно, многомерно, существенно зависит, как сказали бы представители социальной эпистемологии, от *контекста*. Не вызывает сомнений определенная автономность эмпирических суждений, несмотря на то, что всякий факт теоретически нагружен. Здесь всегда возникает вопрос о мере этой нагруженности, об инвариантности факта в разных контекстах. Приложение общего правила к единичному случаю не представляет никакой проблемы, когда мы имеем дело с формализованной системой знания (как, например, в геометрии). Но этика не обладает концептуальной организацией такого типа, а постольку и средствами строго однозначного решения при логических переходах от общего к единичному.

На мой взгляд, *эпистемологический* анализ может быть весьма полезен при осмыслении проблемы, поставленной Кантом. Более того, здесь желателен не только эпистемологический подход, но и *онтологический* план анализа, который рассматривает вопрос о *способе существования* моральной нормы (как определенной социальной *реальности*), о ее воплощенности в структуре сознания индивидуального субъекта и, следовательно, о ее реальной действенности. А тем самым становится актуальным и *праксеологический* план анализа, ибо реальное существование моральной нормы, ее действенность зависит не только от знания содержания этой нормы и желания следовать ей, но от *воли*, от «обязующего волепринуждения». Слабость

воли — типичное препятствие для реализации высоких нравственных требований, причина соскальзывания на более низкие ценностные уровни и последующего выстраивания «убедительных» самооправданий, в которых, кстати, используются нередко формальные обоснования.

Я хотел бы обратить ваше внимание на один исторический эпизод. Это как раз аналогичный случай. События происходили во времена Нерона. Вольноотпущенница Эпихарида стала участником знаменитого заговора Пизона. У нее не было никаких личных счетов с Нероном, в отличие от других заговорщиков. Она просто его ненавидела как тирана, поправшего все нормы нравственности и человечности. Суть в том, что ее арестовали первую и жестоко пытали — жгли каленым железом, перебили ноги, поднимали на дыбу. Она всё отрицала. А Нерону уже многое было известно. Он сказал палачам: «Не может быть, чтобы женское тело выдержало такие пытки. Продолжайте!». Когда на следующий день, ее, изувеченную, вновь собрались пытать, она покончила жизнь самоубийством. Триста мужчин участников заговора, центурионы, сенаторы, которых даже не подвергали пыткам, все предали друг друга, все до единого. А Эпихарида, единственная женщина, которую жестоко пытали, не предала никого. В свое время меня этот факт настолько поразил, что я, собрав довольно обширный материал, написал об Эпихариде (эссе «Величие Эпихариды» вошло и в вышеупомянутую мою книгу о проблеме обмана). Разве не удивительно: триста мужчин предали, а одна женщина — нет! Какая нужна была для этого сила духа, сила верности! Главным доносчиком, открывшим Нерону правду, был Милих, вольноотпущенник сенатора Сцевина — одного из главных участников заговора; тем самым он предал своего патрона, который оказал ему столько благодеяний. Чей же поступок отвечает канонам морали и человечности — Милиха или Эпихариды?

Здесь уместно будет подчеркнуть, что проблема добродетельного обмана остается слабо исследованной, она включает сложные вопросы, которые не имеют общего решения. Тем не менее явления добродетельного обмана обладают убедительными эмпирическими подтверждениями, и они бросают вызов позиции Канта. Это в еще большей мере относится к феномену *самообмана*, как важнейшему фактору аутокоммуникации, способу поддержания идентичности и самооценности личности. Феномен самообмана присущ всем людям, в том числе и великим философам. Подлежит ли он этической оценке? И если да, то как можно подступиться к решению подобного вопроса? Уже при первом шаге анализа здесь возникают те же теоретические трудности, та же парадоксальная ситуация, что и в сегодняшнем обсуждении случая Канта.

Однако я думаю все же, что эта парадоксальная ситуация — во многом следствие слабой разработки проблемы обмана и чрезмерной на-

шей укорененности в привычных клише классического этапа развития философии. В условиях информационного общества теоретическое осмысление феномена обмана приобретает исключительно высокую актуальность. И здесь вполне уместны так называемые постнеклассические подходы, которые, не отрицая достижений классики, способны выявить новые теоретические измерения данной проблемы и стимулировать создание новых средств для ее разработки.